

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. В. Крюков

КИТАЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ПРЕДМЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Изменения, происходящие за последние годы во внутренней жизни КНР, открыли возможности для возобновления исследований в ряде областей науки, развитие которых было фактически приостановлено во время «культурной революции». К их числу относится и этнография.

В первые годы после создания Китайской Народной Республики были достигнуты значительные успехи в развертывании научно-исследовательских работ по изучению народов Китая¹. В начале 1956 г. Комиссией по делам национальностей при Постоянном комитете Всекитайского собрания народных представителей были организованы постоянно действующие этнографические экспедиции для изучения истории, экономики, культуры и быта национальных меньшинств КНР. Результаты их работы позволили вскоре сформулировать задачу создания многотомной серии монографий по истории и этнографии народов Китая. «Можно не сомневаться, — писал тогда Н. Н. Чебоксаров, в течение двух лет оказывавший помощь китайским ученым в деле налаживания этнографических исследований, — что работа эта будет успешно выполняться, и в недалеком будущем этнографы всего мира получают от китайских коллег ценный подарок — обобщающий труд по этнографии национальных меньшинств самой большой страны Восточной Азии»². Однако действительность сложилась иначе.

Левачские ошибки в области идеологии, которые начали отчетливо проявляться в этот период, привели к тому, что во время проходившей в 1958 г. кампании по критике буржуазной этнографии нападкам и репрессиям подверглись почти все ученые старшего поколения, получившие широкую известность в Китае и за его пределами еще в 30-е годы. Такие крупные специалисты, как У Вэньцао, Фэй Сяотун, У Цзэлинь, Хуан Сяньфань были объявлены «правыми элементами», а Цэнь Цзяу, Ли Юи, Ян Кунь, Ян Чэнцзи и многие другие лишены права принимать участие в научных исследованиях. Поводом для причисления проф. Ли Юи к буржуазным этнографам было, например, его высказывание о том, что «этнографическая наука изучает не общие законы общественного развития, а реальные явления культуры конкретных народов»³; Цэнь Цзяу обвиняли в том, что во время экспедиции к хайнаньским ли он изучал лишь родовую структуру, формы брака и другие надстроечные элементы, не обращая внимания на экономический базис⁴ и т. д.

Хотя объектом критики в эти годы была «буржуазная этнография», однако сам термин «этнография» стал употребляться преимущественно в негативном смысле в связи с характеристикой буржуазной идеологии. По-видимому, не случайно в системе АН КНР в июне 1958 г. был создан Институт национальностей, хотя перспективный план развития науки в Китае на 1956—1967 гг. предусматривал организацию Института этнографии. Вскоре после этого правомерность выделения этнографии как самостоятельной дисциплины была прямо подвергнута сомнению на том основании, что понятие «марксистско-ленинская этнография» отсутствует в трудах классиков марксизма⁵. С началом «культурной революции» этнография в Китае была объявлена реакционной буржуазной лженаукой, исследования в этой области знания фактически прекращены, издание уже подготовленных монографий по истории народов Китая приостановлено⁶. Во время встречи с американскими учеными в 1972 г.

¹ Исследовательская работа по национальностям в КНР. — Сов. этнография (далее СЭ), 1959, № 1.

² Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае. — СЭ, 1959, № 6, с. 148.

³ Су Кэцин. Свернуть белое знамя и водрузить красное знамя в этнографических исследованиях. — Миньцзу яньцзю, 1958, № 2, с. 8 (названия работ китайских авторов здесь и далее даны в переводе на русский язык).

⁴ Се Фуминь. Важнейшие результаты работы по изучению общественного строя и истории национальных меньшинств за последние два года. — Миньцзу яньцзю, 1958, № 1, с. 6.

⁵ Что такое этнография? — Сюэшу яньцзю, 1964, № 2.

⁶ Первые книги этой серии увидели свет лишь десять с лишним лет спустя. См.: Краткая история народности хуэй. Иньчуань, 1978; Краткая история народности чжуан. Наннин, 1979; Краткая история народности шэ, Фучжоу, 1980 и пр.

видные китайские этнографы категорически отрицали свою причастность к этнографии и сам факт существования такого рода науки в КНР⁷.

Вопрос о «реабилитации» этнографии был впервые поднят лишь в конце 70-х годов. В докладе о работе правительства, представленном на рассмотрение сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 1978 г., была подчеркнута необходимость возрождения этнографической науки в Китае⁸. Вслед за этим в мае 1979 г. в Куньмине прошло совещание по планированию этнографических исследований, а в октябре 1980 г. в Гуйяне была проведена первая всекитайская научная этнографическая конференция, одним из результатов которой явилось создание Китайского этнографического общества. Президентом его был избран Цю Пу, вице-президентами — Линь Яохуа, Ма Яо, Гу Бао, Лян Чжаотао, Ху Цинцзюнь, Чэнь Гоцян и Сян Лин, генеральным секретарем — Чжань Чэнской. В состав руководства Общества вошла группа советников — ветеранов китайской этнографической науки (Ли Аньчжай, Ли Юн, Лю Сянь, У Вэньцао, У Цзэлинь, Фан Гоюй, Фэй Сяотун, Хуан Сяньфань, Цзян Инлянь, Ян Кунь, Ян Чэнчжи).

В работе этнографической конференции в Гуйяне принимали участие 223 ученых из 18 провинций КНР. Было заслушано 173 доклада; некоторые из них затем были опубликованы в сборнике «Этнографические исследования»⁹. Эти материалы, а также тематически близкие им статьи, появившиеся в 1979—1982 гг. на страницах журнала «Миньцзу яньцзю»¹⁰, позволяют нам судить о том, какие теоретические проблемы волнуют сегодня китайских этнографов и в каком направлении ведутся поиски решения этих проблем.

В развитии любой отрасли науки время от времени наступает момент, когда оказывается необходимым окинуть мысленным взором пройденный путь и снова задать себе вопрос о специфике данной отрасли знания, ее предметных рамках, о соотношении ее со смежными дисциплинами. Такая необходимость стала ощущаться в 60-х годах в советской исторической науке, и это привело к весьма плодотворному обмену мнениями, способствовавшему уточнению предмета этнографии на ее современном этапе¹¹. В условиях Китая это в наши дни особенно актуально: прежде чем принимать меры по возрождению этнографии как науки, совершенно необходимо, разумеется, сначала ответить на вопрос: «А что же представляет из себя эта наука и что, собственно говоря, следует возрождать?».

Вопрос о предмете этнографии начал обсуждаться в Китае еще в 50-х годах. Во время своего пребывания в КНР Н. Н. Чебоксаров подготовил (совместно с Линь Яохуа) доклад «О предмете этнографии и ее задачах в КНР», зачитанный на одном из заседаний этнографического семинара для профессорско-преподавательского состава Центральной академии национальных меньшинств¹². Однако отрицательное воздействие на разработку этой проблемы оказала в те годы статья «Актуальные задачи китайской этнографии», опубликованная сначала в газете «Жэньминь жибао», а затем перепечатанная в ряде периодических изданий. «Этнография в Китае», — говорилось в ней, — является молодой отраслью науки и поэтому существуют расхождения во мнениях относительно ее названия, содержания и метода. Мы не намерены здесь дискутировать о предмете этнографии и месте ее в системе научных дисциплин. Чтобы избежать превращения такой дискуссии в схоластический спор, мы считаем, что сама исследовательская работа в данной области определит свое содержание»¹³. Приводя это высказывание, Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь отмечают, что практика доказала ошибочность подобного взгляда: само по себе развитие этнографических исследований не может ответить на вопрос о предмете и методе этнографии¹⁴. Именно эта проблема и явилась основной темой, с которой так или иначе были связаны почти все заслушанные на конференции в Гуйяне доклады.

Подавляющее большинство участников пришло к тому, что этнография — самостоятельная отрасль общественных наук, изучающая закономерности возникновения, развития и исчезновения этнических общностей. Однако какого рода этносы являются главным объектом этнографического исследования?

Некоторые участники дискуссии считали этот вопрос пробным камнем для разграничения буржуазной и марксистской этнографии. Если на Западе, полагает, например, Чэнь Цисинь, основное внимание всегда уделялось лишь «первобытным на-

⁷ Cooper G. An Interview with Chinese Anthropologists.— *Current Anthropology*, 1973, v. 14, № 4, p. 480—482.

⁸ Жэньминь жибао, 7 марта 1978 г.

⁹ Миньцзусюэ яньцзю (Этнографические исследования) В. 1. Пекин, 1981 (далее — МЯ).

¹⁰ Журнал «Миньцзу яньцзю» («Изучение национальностей») выходил в Пекине в 1958—1960 гг.; издание его было возобновлено с 1979 г.

¹¹ Токарев С. А. О задачах этнографического изучения народов индустриальных стран.— СЭ, 1967, № 5; Чистов К. В. Фольклор и этнография.— СЭ, 1968, № 5; Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И. О соотношении истории, этнографии и социологии.— СЭ, 1969, № 3; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981 и др.

¹² Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 144.

¹³ Актуальные задачи китайской этнографии.— Кэсюэ тунбао, 1956, № 8.

¹⁴ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Особенности и задачи этнографии в Китае на современном этапе.— МЯ, с. 71.

родам», то в поле зрения этнографа-марксиста должны находиться все народы от древности до современности¹⁵.

Иного мнения придерживается Хуан Хойкунь. Почти все наиболее значительные работы буржуазных этнографов действительно посвящены существующим ныне «первобытным народам», тем не менее именно последние представляют наибольший интерес и для исследователей-марксистов. Этнография, считает он, должна изучать все этнические общества, однако развитые народы исследуются средствами таких наук, как история, экономика, политология; что же касается этносов, находящихся на более низких ступенях общественного развития и не обладающих собственной письменной традицией, то они составляют специфическую сферу исследования этнографии¹⁶.

Такого решения вопроса о главном объекте этнографического исследования, продолжает Хуан Хойкунь, требует задача «спасения источников». Если мы не сосредоточимся на изучении народов, отставших в своем развитии, то через некоторое время их этнические особенности перестанут существовать, и этот важнейший этнографический источник будет безвозвратно утрачен. Со временем, когда отставание малых народов будет преодолено, естественным образом изменится и основной объект этнографии, примером чего могут служить этнографические исследования в промышленно развитых странах¹⁷.

По мнению Хуан Хойкуня, такое решение проблемы диктуется также потребностями теоретического плана. Изучение первобытных народов (шире — этносов, находящихся на дофеодальной стадии развития) представляет исключительный интерес для конкретного обоснования закономерностей исторического развития человечества. Этот ключ к пониманию истории не может дать нам ни сама история, ни социология. Поэтому китайские этнографы не должны бояться обвинений в невнимании к насущным проблемам современности, им следует сосредоточиться на всестороннем изучении дофеодальных этносов¹⁸.

Наконец, этого требуют задачи экономического и культурного строительства в национальных районах. В такой многонациональной стране как Китай построение развитого общества невозможно без радикального преобразования образа жизни малых народов. А для этого необходимо знать их, чтобы конкретная политика по отношению к этим этническим группам основывалась на глубоком теоретическом осмыслении их современного положения. Поэтому «китайские этнографы должны считать своей первоочередной задачей изучение братских национальностей, отставших в своем историческом развитии»¹⁹.

Касаясь этого последнего аспекта данной проблемы, другой участник конференции, Хуан Шупин, привел ряд конкретных примеров, показывающих, сколь далека от своего окончательного решения задача преобразования экономики и культуры в районах расселения национальных меньшинств КНР. В исторических описаниях аборигенных народов южного Китая издревле встречается образное выражение «пахать ножом, сеять огнем», характеризующее особенности подсечно-огневого земледелия. Между тем этот примитивный способ обработки земли по-прежнему широко распространен в горных районах. В прошлом не принималось эффективных мер, направленных на коренное изменение положения. Поэтому за 30 лет после создания КНР орудия производства и сельскохозяйственная техника там почти не совершенствовались, уровень производства остается крайне низким, условия жизни — тяжелыми. Помимо всего прочего, пишет Хуан Шупин, подсечно-огневое земледелие ведет к уничтожению лесов, а это чревато серьезными нарушениями в экологическом равновесии и может привести к весьма неблагоприятным последствиям в будущем²⁰.

Считается, продолжает Хуан Шупин, что в результате демократических реформ и социалистических преобразований традиционные социальные институты в районах расселения малых народов Китая в основном были преобразованы. Однако факты свидетельствуют об ином: влияние старых общественных форм ощущается здесь еще очень отчетливо, многочисленные проявления этого сплошь и рядом приводят к социальным и этническим конфликтам. Без углубленных этнографических исследований невозможно разобраться в глубинных причинах возникающих противоречий, а стало быть, трудно и преодолевать их²¹.

Признавая важность практических задач, стоящих перед этнографической наукой в Китае, некоторые участники дискуссии вместе с тем выступали против абсолютизации широко распространенного ранее лозунга «изучение национальностей должно служить целям работы в национальных районах». Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь усматривают в подобной постановке вопроса причину свойственного китайской этнографии 50—60-х годов невнимания к изучению народов зарубежных стран. Одной из важнейших задач, требующих безотлагательного решения на современном этапе развития

¹⁵ Чэнь Цисинь. Об объекте, содержании, методе и задачах этнографии. — МЯ, с. 113.

¹⁶ Хуан Хойкунь. В процессе практической работы создавать и развивать марксистскую этнографию. — МЯ, с. 41—42.

¹⁷ Там же, с. 42.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 42—43.

²⁰ Хуан Шупин. Развивать этнографию в нашей стране — требование социалистического строительства. — МЯ, с. 90—91.

²¹ Там же, с. 91.

этнографии в КНР, они считают ликвидацию этого зияющего пробела, активизацию исследований этнографии народов мира²².

Тесно связан с этим и вопрос о преодолении отставания китайской этнографии в области изучения собственно китайцев — ханьского этноса. В 30—40-х годах по мере того, как в Китае складывалась своя этнографическая школа, усилиями таких видных исследователей, как Фэй Сяотун, У Вэньцао, Линь Яохуа, были заложены основы систематического изучения социальной организации китайцев²³. Разумеется, в работах этих ученых, созданных под заметным влиянием идей функционализма, с точки зрения сегодняшнего уровня науки можно обнаружить немало методологических изъянов. Тем не менее именно эти книги, ставшие объектом гипертрофированной критики в 60-е годы, характеризуют важный этап в истории этнографической науки в Китае. Однако после 1949 г. эта исследовательская традиция прервалась. Как в свое время справедливо указывал Н. Н. Чебоксаров, после создания КНР научно-исследовательские учреждения и учебные заведения, комитеты по делам национальностей и большинство местных музеев работы по этнографии китайцев не вели, так как вся их деятельность была подчинена главным образом практическим задачам экономического и культурного строительства национальных меньшинств²⁴. В результате этого возникла довольно парадоксальная ситуация: несмотря на значительные достижения китайских этнографов в первые 15 лет существования КНР они не создали ни одного сколько-нибудь значительного исследования по этнографии китайцев. По многим аспектам этнографического изучения китайцев до сих пор наиболее существенными остаются не китайские, а, например, японские работы²⁵.

За последние годы необходимость восполнения этого пробела стала вполне очевидной. Выступая на конференции в Гуйяне, Хоу Фаньюэ подчеркивал неотложность задачи сочетать исследования по этнографии народов Китая с изучением этнических общностей всего мира, ибо только широкий сравнительный подход способен привести к выявлению общих закономерностей этнического развития человечества. Вместе с тем неправильным было бы изучать малые народы Китая вне сопоставления их с китайским этносом — не только в плане типологии, но и с целью анализа их культурного взаимодействия²⁶.

Таким образом, дискуссия привела к формированию нового подхода к проблеме — обрисовалась преобладающая точка зрения, заключающаяся в признании объектом этнографической науки «всех этнических общностей, находящихся на различных этапах общественного развития»²⁷, без каких-либо ограничений как во времени, так и в пространстве. Такое понимание объекта этнографии фактически совпадает с общепринятым в советской науке. Примечательно, что обосновывая правомерность такого решения вопроса, Чжоу Гуанда ссылается на мнение С. П. Толстова: «Главным объектом этнографии являются все народы, на какой бы стадии развития общества они не находились»²⁸.

Более значительные расхождения обнаружились в связи с определением предметной области этнографических исследований.

Уместно вспомнить, что известный ученый начала XX в. Цай Юаньпэй, впервые употребивший в своих работах термин *миньцзусюэ* (этнография), писал: «Это наука, фиксирующая, сопоставляющая и изучающая культуру различных народов»²⁹. Чрезмерное внимание к культуре в ущерб прочим проявлениям сущности этноса рассматривается многими современными китайскими учеными как специфическая черта буржуазной науки³⁰. Чжоу Гуанда критикует Ян Куня за его определение этнографии как науки, изучающей «культуру и быт конкретных современных этносов»³¹, однако предпочитает говорить в данном случае не о «буржуазном», а о «традиционном» подходе к проблеме³². По его мнению, после создания КНР китайские ученые уже продемонстрировали свою способность преодолеть ограниченность традиционной трактовки предметных рамок этнографии. В ходе уточнения этнического состава населения Китая к 1953 г. было зафиксировано более 400 этнических самоназваний; предстояло определить, какие из этих наименований действительно имеют реальную этническую

²² Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Указ. раб., с. 73—74.

²³ Fei Hsiaotung. Peasant Life in China. L., 1939; Fei Hsiaotung. Chang Chihi. Earthbound China: A Study of Rural Economy in Yunnan. L., 1949; Лю Синтан. Кровнородственная организация в Фуцзяне.— Шихо, 1936, т. 4, № 8; Ли Цзяжуй. Типология бэйпинских обычаев. Бэйпин, 1936; Чжан Цзыи. Ремесло в деревне Ицунь. Куньмин, 1943 и др.

²⁴ Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 140.

²⁵ О японских исследованиях по этнографии китайцев см.: Японская этнография: ретроспектива и перспектива (на япон. яз.). Токио, 1966, с. 266—280.

²⁶ Хоу Фаньюэ. О нескольких вопросах этнографических исследований.— МЯ, с. 36.

²⁷ Ли Футун. О проблемах этнографического строительства.— МЯ, с. 162; ср. У Цунчжун. О предмете, задачах и методе этнографии.— МЯ, с. 140 и др.

²⁸ Чжоу Гуанда. Некоторые вопросы создания и развития марксистской этнографии, соответствующей условиям Китая.— МЯ, с. 150.

²⁹ Цай Юаньпэй. Что такое этнография.— Избранные сочинения Цай Юаньпэя. Шанхай, 1959, с. 255.

³⁰ Хуан Хойкунь. Указ. раб., с. 40.

³¹ Ян Кунь. О некоторых проблемах этнографии.— Миньцзу яньцзю, 1979, № 2, с. 51.

³² Чжоу Гуанда. Указ. раб., с. 146.

основу. Успешное решение этой задачи было свидетельством профессиональной зрелости китайских этнографов. В дальнейшем в процессе написания серии работ по истории и современному положению народов Китая узкие рамки традиционного понимания предмета этнографии еще раз были успешно преодолены³³.

Наиболее сильная сторона этнографических исследований в КНР, по мнению Хоу Фаньюэ,— примат изучения экономического базиса; он полагает, что в этом отношении достижения китайских этнографов не были превзойдены ни в одной другой стране³⁴. Считая необходимым и в дальнейшем развивать это направление, Ян Хэшу видит главную задачу этнографической науки прежде всего в исследовании проблем общественных формаций: пережитков первобытнообщинного строя; перехода от одного этапа общественного развития к другому; разнообразных форм социального строя у народов, находящихся на одном уровне развития; зарождения элементов капитализма; формационной характеристики современных наций³⁵.

Наряду с этим высказывается и иная точка зрения: в прошлом китайские этнографы уделяли внимание в первую очередь социально-экономическим вопросам, и хотя в целом это было правильно, тем не менее вне поля зрения исследователей зачастую оставались проблемы изучения надстроечных явлений. К числу белых пятен в китайской этнографии относятся, в частности, анализ психологических особенностей этноса³⁶. Марксистское определение нации, замечает по этому поводу Лян Чжаотао, включает такой признак, как «общность психического склада»; но во время «культурной революции» психология, как и этнография, была объявлена лженаукой и поэтому неудивительно, что этнической психологией в Китае давно уже никто не занимался³⁷. Между тем этнопсихологические особенности народов имеют многочисленные проявления, они заслуживают самого внимательного изучения³⁸.

При всем многообразии подхода китайских ученых к проблеме предмета этнографической науки за отдельными подчас противоречивыми высказываниями просматривается все же тенденция изучать этнос как определенную систему, не ограничиваясь лишь социально-экономическими условиями его существования. В этом нельзя не видеть нового в понимании предмета своей науки китайскими этнографами.

Выявление предметной области этнографии тесным образом связано с определением ее соотношения со смежными областями науки. Некоторые китайские этнографы исходят из представления об этнографии как составной части исторической науки. Эта точка зрения была сформулирована еще в ряде установочных статей в конце 50-х годов³⁹. Рассматривая изучение отдельных явлений культуры в качестве наиболее характерной черты буржуазной этнографии, Хуан Хойкунь видит в этом отчетливое свидетельство ее антиисторизма. А поскольку этот автор, как уже говорилось, считает главным объектом марксистской этнографии «современные первобытные народы», то изучение их «в конечном счете имеет своей целью освещение истории»⁴⁰. Столь же категорично составной частью исторической науки считает этнографию Ян Хэшу. Несмотря на своеобразие методов исследования, утверждает он, этнография изучает главным образом историю развития общества⁴¹.

С несколько иных позиций подходит к проблеме Ма Яо. История имеет несравненно более широкую предметную область, чем этнография, полагает он. С другой стороны, история изучает лишь прошлое, этнография же изучает и прошлое, и современность. При этом она изучает прошлое, анализируя особенности современных народов, и это принципиально отличает ее от истории⁴².

Еще дальше идут в этом направлении Цзинь Тяньмин и Ян Цинчжэнь. Этнография всегда и везде изучала лишь то, что в тот или иной период времени являлось для исследователя современностью. Это справедливо даже в отношении раннего этапа накопления этнографических знаний. Великий древнекитайский историк Сыма Цянь включил в свои «Исторические записки» главы, посвященные иноземным народам, и описал особенности их хозяйства, материальной культуры, верований. То же самое может быть сказано о Геродоте, чьи сообщения о различных народах представляют собой правдивую фиксацию сведений об этнографической специфике населения различных континентов. В еще большей степени это свойственно этнографии, оформившейся в XIX в. как научная дисциплина. Соответственно, считают они, марксистская этнография — это наука, имеющая своей главной целью изучение современного состояния народов мира. Поэтому «этнография не может рассматриваться как составная часть исторической науки»⁴³.

³³ Там же, с. 147—148.

³⁴ Хоу Фаньюэ. Указ. раб., с. 36.

³⁵ Ян Хэшу. О месте исследований социально-экономических формаций в марксистской этнографии.— МЯ, с. 105—107.

³⁶ Ма Яо. Мой взгляд на этнографию.— МЯ, с. 26—27.

³⁷ Лян Чжаотао. В нашей стране должна быть своя собственная этнография.— МЯ, с. 15.

³⁸ Лю Боцзянь. По поводу создания системы этнографической науки в Китае.— МЯ, с. 58—59.

³⁹ Су Кэцин. Указ. раб., с. 11.

⁴⁰ Хуан Хойкунь. Указ. раб., с. 40—41.

⁴¹ Ян Хэшу. Указ. раб., с. 100.

⁴² Ма Яо. Указ. раб., с. 22—23.

⁴³ Цзинь Тяньмин, Ян Цинчжэнь. Указ. раб., с. 72.

Наконец, высказывалась и еще одна точка зрения. Отстаивавший ее Чэнь Цисинь подчеркивает, что исследовательским методом этнографии является комплексное изучение современности и прошлого⁴⁴. Развивая эту мысль, Хуан Шупин указывает на тесную взаимосвязь между этнографией и историей, причем «история не может заменить этнографию»⁴⁵. Когда этнография изучает особенности этносов, она стремится выяснить исторические предпосылки их формирования и процесс их трансформации; здесь этнография пересекается с историей. Принцип историзма — характерная черта марксистской этнографии. Советская этнографическая наука, отмечает Хуан Шупин, всегда уделяла внимание историческому развитию народов мира⁴⁶.

Расхождения во мнениях о соотношении этнографии и истории предопределили и отсутствие единства взглядов на этнографические субдисциплины. С одной стороны, этнография рассматривается как комплексная наука, предметная область которой охватывает практически все явления, процессы и отношения, исследуемые под этническим углом зрения⁴⁷. Поэтому и теория национального вопроса, и этническая история в равной мере являются подразделениями этнографии. В противоположность этому обосновывается тезис о том, что чрезмерное расширение рамок этнографии нецелесообразно⁴⁸. Соответственно правомерна постановка вопроса о соотношении между этнографией и теорией этноса, этнографией и историей этносов, этнографией и антропологией и т. д.⁴⁹

Мы коснулись лишь части проблем, обсуждавшихся на конференции китайских этнографов в Гуйяне⁵⁰. Но и рассмотренный круг вопросов, как нам кажется, убедительно свидетельствует о резкой активизации исследований в области этнографической теории, о стремлении китайских ученых наметить пути развития этнографии в своей стране. И весьма симптоматичным для современного состояния этнографической науки КНР представляется неоднократно высказываемое китайскими учеными убеждение в том, что добиться коренного перелома в этом отношении невозможно без более широкого обмена идеями и научной информацией, без тщательного анализа всего сделанного этнографами других стран. Резко критикуя положение, сложившееся с конца 60-х годов, многие участники конференции указывали на необходимость исправить ошибки прошлого, когда начав с огульного отрицания западной этнографии, затем целиком отвергли и советскую этнографическую науку⁵¹. Нельзя не приветствовать в этом плане появление обстоятельных статей, в которых на большом материале детально и объективно анализируется вклад в этнографическую науку наиболее видных этнографов Запада⁵². Черед советских ученых, видимо, еще не настал. Сегодня некоторые китайские этнографы по-прежнему требуют «покончить с влиянием советской этнографии»⁵³, хотя все же создается впечатление, что делается это скорее по инерции, нежели обусловлено генеральной стратегией развития науки. Китайские этнографы сейчас еще слабо знакомы с тем, над чем работают советские ученые (показательно, что участники дискуссии 1980 г. цитировали в своих докладах статьи советских авторов, опубликованные в основном 20—25 лет назад). Но положение начинает меняться. За последние годы резко увеличилось число статей советских этнографов, опубликованных в китайской научной периодической печати⁵⁴; начинают появляться и переводы монографий⁵⁵. В этом также нельзя не видеть отражения тех значительных сдвигов, которые происходят сейчас в китайской этнографической науке.

⁴⁴ Чэнь Цисинь. Указ. раб., с. 117.

⁴⁵ Хуан Шупин. Указ. раб., с. 87.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ши Чжэнъи. Некоторые вопросы развития этнографии в Китае.— МЯ, с. 170.

⁴⁸ Хуан Шупин. Указ. раб., с. 86.

⁴⁹ Лю Сяюй. Коротко об определении этнографии и ее предмете.— МЯ, с. 133—134.

⁵⁰ Специального обзора заслуживает, в частности, дискуссия о понятии «этнос», о методике этнографических исследований и т. д.

⁵¹ См., например: Чжоу Гуанда. Указ. раб., с. 153.

⁵² Ян Кунь. О структурной антропологии Леви-Стросса.— МЯ, с. 300—318; У Цзелинь, Чжан Сюэхой. Коротко о Боасе и американской исторической школе.— МЯ, с. 319—337 и др.

⁵³ Ян Хэшу. Указ. раб., с. 101.

⁵⁴ См. например: Бромлей Ю. В. Этнические процессы как объект этнографического исследования.— Миньцзу ицун, 1979, № 2; его же. Основные типы историко-культурных общностей и тенденции их развития.— Там же, 1981, № 5; Арутюнов С. А. Этническое и межэтническое в культуре.— Там же, 1981, № 2; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Этносоциологические исследования в СССР.— Там же, 1981, № 6; Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии. Каогу данькао цзыляо, 1979, № 1; Першиц А. И. О ранних формах семьи и брака.— Миньцзу ицун, 1981, № 6 и др.

⁵⁵ Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Чэнду, 1980 (на кит. яз.); Токарев С. А. История зарубежной этнографии. Шанхай, 1983 (на кит. яз.), и др.